

*Джастину,
чье прошлое бывало мрачным,
но кто создает себе светлое будущее.*

Глава первая

Вокруг меня кружился загроможденный кабинет мистера Джекаби. Опираясь всем весом на стол, я судорожно втягивала воздух. Голова моя раскалывалась, как будто ее от виска до виска проткнули ледяной сосулькой, но боль постепенно утихала, и я открыла глаза. На ковре валялись папки с делами, которые я изучала все утро; за ножками доски для записей мелом опасно переминался с одной перепончатой лапки на другую селезень — один из обитателей этого дома.

На рабочем столе под моими пальцами оставалась лишь одна папка — коллекция выцветших газетных вырезок и зернистых фотографий. В висках застучал пульс, и я постаралась сосредоточиться и замедлить биение сердца, продолжая опираться о стол. Передо мной лежал полицейский отчет, в котором сообщалось об ужасном убийстве невинной женщины и о загадочном исчезновении ее жениха. Под ним пряталась литография плана дома, трехэтажного строения в тихом портовом городке Новой Англии — того самого дома, в котором я сейчас стояла, только десятью годами ранее, и в 1882 году он выглядел гораздо

Уильям Раттер

проще и мрачнее. Также в папке находились заметки моего работодателя и фотография бледного мужчины с кривой ухмылкой на лице. За ним стояли какие-то странные люди в длинных фартуках и темных очках. Мой взгляд, как и каждый раз, задержался на одной, последней фотографии. Фотографии женщины.

Меня затошнило. Перед глазами вновь поплыл туман, но я заставила себя сохранять ясность зрения. Глубокий вдох. Женщина на снимке, облаченная в элегантное платье без рукавов, лежала на голом полу, вытянув одну руку и вцепившись другой в воротник своего платья. Ее шею обвивала подвеска с небольшим оловянным медальоном, а на груди темнело пятно, вокруг тела собиралась чернильно-черная лужа. Дженни Кавано. Моя подруга. Погибшая десять лет назад, так что все это время я знала ее только как привидение.

Воздух в комнате задрожал, словно мираж, и я отвела взор от мрачного изображения. Продолжая опираться о стол одной рукой, я вздернула подбородок и поправила блузку, пока передо мной проступали очертания призрачной фигуры. В ушах все еще оглушающе бился пульс. Интересно, Дженни тоже его слышит?

— Со мной все хорошо, хорошо, — солгала я.

«Тебе *вовсе не хорошо!*» — кричало все внутри меня.

— На этот раз я готова.

«*Нет, совсем не готова*».

Я глубоко вдохнула. Мои слова, похоже, не убедили призрака.

— Прощу тебя, давай попробуем еще раз, — сказала я.

Призрачные эхо

«Нет, это плохая идея. Ужасная идея. Это...»

И тут кабинет расплылся в ослепляющем мареве льда и боли.

Дженни Кавано была мертва, и ей это вовсе не нравилось. Через неделю исполнится десять лет с тех пор, как ее, бездыханную, оставили лежать на полу в собственном доме. Десять лет с тех пор, как ее кровь обагрила полированные половицы в спальне. Ее жених Говард Карсон исчез в ту же ночь, и вместе с ним исчезли улики, которые могли бы указывать на того, кто совершил это ужасное преступление, или хотя бы на его мотивы.

Возможно, виной тому было приближение печальной даты, но за все те месяцы, что я знала Дженни, я никогда не видела, чтобы ее настолько поглощали воспоминания, как в последнюю неделю. Ее беззаботный настрой и беспечный смех сменились напряженным молчанием. Она пыталась сохранять обычную свою маску беззаботности и уверенности, с улыбкой уверяя меня в том, что беспокоиться не о чем. Но глаза ее выдавали растущую внутри тревогу, а временами маска и вовсе спадала. И то, что скрывалось под ней, было далеко не приятным зрелищем.

Р. Ф. Джекаби, мой начальник и специалист по всему странному и сверхъестественному, называл такие мгновения «эхо». Я не могла даже представить себе всей глубины полученной Дженни травмы, но всякий раз, заглядывая в эту ледяную темноту, я словно слышала отголоски прошлого. Все в Дженни как бы моментально распадалось на части — и та женщина, которой она когда-то была, и призрак, которым

она стала, — оставляя после себя только искаженное отражение последних секунд ее жизни. Ею овладевали ярость и страх, пока она снова и снова переживала ту сцену, а все вокруг нее вращалось в ледяном вихре. Непостижимые силы, сохраняющие душу цельной и невредимой, у Дженни выходили из-под контроля, а то, что оставалось, было за пределами человеческого. Впервые увидев, как ее охватывает этот холод, я испытала настоящее потрясение, но это был далеко не последний раз. Чем усерднее мы занимались ее делом, тем чаще ее настигали такие «отголоски», становившиеся с каждым разом все сильнее.

Дженни вспоминала об этих мгновениях с досадой и смущением, как какой-нибудь лунатик, внезапно обнаруживающий себя на крыше. Она с еще большей целеустремленностью принималась оттачивать духовный контроль над собой, чтобы найти ответы на вопросы, преследующие ее с самой смерти, а я пыталась помочь ей в этом.

— Осторожнее, мисс Рук, — предупредил меня однажды вечером мистер Джекаби, хотя его самого можно было назвать самым последним человеком, кто взялся бы рассуждать об осторожности. — Не следует слишком давить на мисс Кавано, иначе будет только хуже.

— Я уверена, что она способна на гораздо большее, чем мы полагаем, — возразила я. — Если бы я могла...

— Но вы не можете, мисс Рук, — прервал он меня. — Я провел свои исследования. Изучил трактат Менделя о наполовину умерших, проштудировал труд Хэвершема «Гэльские вурдалаки». Лорд Александр Рейсфар написал несколько томов о хрупкости не-

Призрачные эха

упокоенной души, и выводы, которые он сделал, не для слабонервных. Мы ступаем по хрупкому льду, и вам не следует испытывать его на прочность почему зря, мисс Рук. Ради нее самой и ради нашего собственного благополучия.

— При всем уважении, сэр, Дженни не одна из подопытных лорда Рейсфара. Она ваш друг.

— Вы правы. Она не из подопытных лорда Рейсфара, потому что исследования лорда Рейсфара заключались в доведении призраков до крайностей просто чтобы увидеть, что с ними при этом будет. А я вовсе не ставлю себе такой цели.

Помолчав немного, я спросила:

— А что стало с его подопытными?

— *Что стало бы с ними*, мы не знаем как раз потому, что лорд Рейсфар уже не смог об этом поведать, — ответил Джекаби.

— Они его убили?

— В каком-то смысле. Не совсем. В общем, это сложно. У него сдали нервы, поэтому он оставил некропсихологию ради менее рискованной дисциплины и вскоре был съеден мантикорой коллеги. Возможно, он до сих пор в виде призрака ухаживает за грядкой ревеля в Брюсселе. А может и нет. Криптозоология непредсказуемая дисциплина. Но моего мнения это не изменит!

— Сэр...

— Никаких больше обсуждений. Дженни Кавано даже в свои лучшие мгновения пребывает в нестабильном состоянии, и поиск болезненных ответов до того, как она будет к ним готова, может вытолкнуть ее за ту черту, из-за которой нет возврата.

Уильям Раттер

На мой взгляд, мой работодатель не понимал, что Дженни уже пересекла эту внутреннюю черту. До недавних пор она очень сдержанно относилась к расследованию собственной гибели, уклоняясь от прямых ответов, как уклоняется от свечи тот, кто однажды уже обжегся ее пламенем. Дженни не была готова к ним, когда Джекаби только-только переехал в ее бывший дом и занялся здесь своими делами — в доме, где она когда-то жила и умерла. Правда была слишком тяжела для души Дженни. Но потом она приняла решение, заручившись нашей помощью и поддержкой в расследовании ее гибели, и это решение стало ее движущей силой. Она и так уже слишком долго ждала.

Теперь, казалось, сам Джекаби сдерживал расследование, но тем самым будто только подталкивал Дженни к решению взять все в свои руки. К ее разочарованию, одной целеустремленности оказалось недостаточно, чтобы вновь обрести тело, а без него она мало что могла сделать, чтобы ускорить расследование, и поэтому обратилась ко мне.

Наши первые сеансы прошли относительно гладко, но Дженни по-прежнему чувствовала себя увереннее, когда мистера Джекаби не было поблизости. Мы были знакомы только полгода, но она быстро стала мне как сестра. Ее очень раздражал тот факт, что она теряет контроль над собой, а Джекаби только усугублял это раздражение своей чрезмерной заботой. Однажды, когда он отлучился после обеда, мы начали с попыток передвигать простые предметы.

Дженни по-прежнему не могла физически воздействовать на вещи, не принадлежавшие ей при жизни, но в редких случаях ей удавалось нарушить это пра-

Прозрачные эха

вило. Как мы выяснили, ключевым фактором в этом были не концентрация и сила воли, а скорее, точка зрения и отношение к ситуации.

— Не могу, — сказала она после часа упражнений. — Не могу сдвинуть.

— Что ты не можешь сдвинуть?

— Твой носовой платок. — Она провела рукой сквозь скомканный кусок ткани на столе.

Если он и дернулся, то, казалось, скорее от ветра.

— Нет, — сказала я. — Не *мой*. Ты не можешь сдвинуть *свой* носовой платок, который я тебе подарила.

— Ну, значит, *мой*. Какой толк от платка, если я не могу его даже засунуть в карман!

Она гневно шлепнула платок тыльной стороной ладони, и тот немного разгладился.

Мы обе устали на тряпицу. Дженни медленно подняла голову, встретившись со мной взглядом, и мы одновременно улыбнулись. Пусть это достижение и казалось незначительным, но оно послужило искрой, из которой должно возгореться пламя. С тех пор мы пользовались каждой возможностью, чтобы позаниматься.

Не все сеансы были настолько продуктивными, как первый, но какой-то прогресс наблюдался. В последующие недели нам пришлось расстаться с несколькими хрупкими блюдами, и разочарование не раз возвращало Дженни к тому самому «эху». Но за каждой небольшой неудачей следовал еще больший успех.

Мы расширили область наших тренировок и попробовали покинуть дом, чего Дженни не делала с момента смерти. Эта задача оказалась куда сложнее.

Уильям Раттер

Самое большое, что ей удалось, — это поставить ногу на дорожку, но после она целых полдня пыталась материализоваться снова.

Когда выход во внешний мир не принес результатов, на которые мы надеялись, я решила углубиться в мир внутренний. Я понимала, что мы ступаем на еще более опасную территорию, но на следующий день попросила Дженни подумать и рассказать все, что она помнит о том вечере.

— Ах, Эбигейл. Лучше мне не... — начала было она.

— Только то, что не вызывает у тебя тревоги, — сказала я. — Самые мелкие, незначительные подробности. Не думай ни о чем серьезном.

Дженни глубоко вздохнула. Точнее, не вздохнула, поскольку она никогда не дышала, но просто сделала похожее на вздох движение — наверное, чтобы успокоить себя.

— Я одевалась, — начала она. — Говард собирался сводить меня в театр.

— Как мило.

— Снизу донесся звук. Открылась дверь.

— И?

— Вам нельзя здесь находиться, — сказала Дженни.

Мурашки пробежали по моей спине еще до того, как я ощутила холод. Я сразу же узнала эти слова. Они исходили из какого-то темного уголка души Дженни.

— Я знаю, кто вы.

Ее платье было элегантным и безупречно чистым, но тут я заметила, что воротник у него порван, а само оно темнеет на глазах. Дженни уже распадалась и разделялась на несколько призраков. Эти ее «эха» походили на жуткую версию тех салонных игрушек, которые

Призрачные эха

любила покупать моя мать, — небольшие карточки на палочках, с рисунком птицы на одной стороне и пустой клетки на другой. Когда палочки вертели, то создавалось впечатление, что птица находится в клетке. Такой нехитрый трюк, обман зрения. Так и Дженни теперь мелькала перед моими глазами, грациозная и гротескная — две версии, сливающиеся в одно изображение, но какой-то частью своего сознания я понимала, что они не одно и то же. Ее брови нахмурились, глаза расширились от гнева и смущения.

— Дженни. Это я, Эбигейл. Ты в безопасности. Никто не...

— Вы работаете с моим женихом.

— Дженни, вернись ко мне. Все хорошо. Ты в безопасности.

— Нет!

— Ты в безопасности.

— НЕТ!

К тому времени как она снова появилась, я успела убрать все осколки и расставить мебель. Она всегда возвращалась, но ей требовалось некоторое время, чтобы оправиться после «эха». Чтобы не терзаться самой, я занималась рутинными делами: просматривала старые записи и пометки, составленные моим предшественником Дугласом. Дуглас был странной птицей, зато обладал безупречным почерком. Конечно, пока у него еще были руки, по которым он, казалось, вовсе не скучал теперь, когда их заменили крылья. И когда я говорю «птица», я говорю буквально — Дуглас превратился в селезня, выполняя свое последнее официальное задание. Работа на